

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

Она ничего не знала обо мне, а я о ней, хотя она была единственным близким мне человеком. Парадокс, над которым я предпочла не размышлять. У меня не имелось желания рассказывать о себе, и я допускала, что то же самое нежелание свойственно моей нечаянной подруге. О своем житье-бытье во время наших встреч я помалкивала, не из необходимости скрывать какие-то тайны, а просто не было ни тайн, ни каких-либо заметных событий в жизни. Рядом с совсем незнакомым мне человеком я могла быть кем угодно: удачливой бизнесвумен или бедной студенткой, и допускала, что Генриетта тоже не прочь пофантазировать.

Наши встречи напоминали общение в соцсетях: отсутствие общих знакомых и общих воспоминаний (я знала, что Генриетта недавно приехала в этот город, и, кажется, издалека) гарантировало анонимность, совсем как в Интернете, где человека из плоти и крови заменяет ник и фото какой-нибудь красотки.

Мы могли придумать себе любую жизнь, и втайне нас обеих влекло к этому. Меня-то уж точно. Но что-то удерживало нас от беззастенчивого вранья, конечно, вовсе не желание быть разоблаченными, прервать эту дружбу было легче

легкого, и стыдиться своих фантазий вряд ли бы пришлось. Причина, скорее, крылась в другом: я чувствовала, что моя подруга глубоко несчастна, хоть и не желала признаваться в этом, и, какие бы радужные картины она ни рисовала, я бы ей, наверное, не поверила. Несчастливость таилась в глубине ее красивых васильковых глаз, пряталась в едва заметных складочках возле губ... Я не знала, как должна выглядеть счастливица, но несчастье распознавала сразу. Может, и меня удерживало от фантазий опасение, что Генриетта читает в моих глазах, как я в ее, а может, боялась, что мое выдуманное счастье станет для подруги неким упреком в собственной несостоятельности. В общем, откровенности мы не желали, а от вранья воздерживались, оттого о своем прошлом и настоящем предпочитали молчать. И через месяц после знакомства я только и знала, что ее зовут Генриетта. Где она живет и как проводит время, когда мы не пьем кофе в крохотной кофейне на набережной и не бродим вдоль реки в толпе туристов, оставалось лишь гадать. Несколько раз я собиралась спросить ее об этом, но задавать вопросы друг другу, точно по молчаливому уговору, мы избегали. Почему-то я решила, что ее жизнь сродни моей. Возьмись я рассказать свою историю Генриетте, и сама бы поразилась ее абсолютной обыденности. История человека, который плывет по течению, с грустью наблюдая, как его относит все дальше и дальше от возжеланных берегов. Банальная история, лишенная возможности когда-нибудь стать другой. «Из моей жизни приличного сюжета не получится», — с тоской думала я временами. Кому интересен безвольный герой? Слабым утешением служил тот факт, что таких, как я, тысячи. А многие из тех, кого я встречала во время своих прогулок, впол-

не могли бы мне позавидовать. То есть не мне, конечно, а внешнему благополучию моей жизни. Муж очень богат, в кошельке у меня две банковские карточки, золотая и платиновая, и я понятия не имею, сколько денег на них. Я не успеваю истратить и малой толики, а счет уже пополняется.

Наверное, по этой причине я терпеть не могу глянцевого журналы, с каждой страницы которых то шепчут, то вопят разодетые дамочки: у тебя может быть все, если на это есть деньги. У меня нет ничего, кроме денег. Впрочем, деньги вовсе не мои, они принадлежат мужу, следовательно, будет правильнее сказать: у меня нет ничего. Еще совсем недавно эта фраза вызывала гнетущую тоску, и вдруг пришло безразличие...

Первые семнадцать лет моей жизни оказались ничем не примечательными, что вряд ли должно удивлять. Губернский город, обычная семья. Мама — воспитатель в детском саду, папа, кажется, работал на заводе. Говорю «кажется», потому что своего отца совсем не помню, родители развелись, когда мне еще не было и трех лет. Папа сильно пил, мама, промучившись с ним лет пятнадцать, наконец сказала: «Хватит». И папа оказался в комнате в большой коммунальной квартире, обитателей которой роднил тот же порок, и зажил там вполне счастливо. Но счастье, как известно, длится недолго, и папу через год или два обнаружили бездыханным во дворе дома с признаками отравления. Об этом мне и брату мама сообщила уже спустя несколько лет после похорон.

К величайшему удивлению бывшей супруги, отец не успел продать за бесценок принадлежавшую ему жилплощадь, мама сдавала комнату студентам, и это явилось существенной прибавкой к ее более чем скромной зарплате. Жили мы не то что бедно, а, скорее, безрадостно. Брат стар-

ше меня на двенадцать лет, и мама смертельно боялась, что он отправится проторенной отцом дорожкой. Все ее существование было пронизано этим страхом. Стоило брату чуть задержаться, она не отходила от окна, а когда он возвращался, придирчиво его оглядывала, выспрашивала и обнюхивала. В детстве я только и слышала: «Что это Борька опять задерживается... не дай бог, будет как твой папаша... друзья хорошему не научат. Связался с Васькой, а у того отец забулдыга, и сам Васька вечно с пивом во дворе пасется». В общем, жизнь была полна тревожного ожидания, я садилась на подоконник и вместе с мамой всматривалась в заросший деревьями двор, надеясь, что вот-вот покажется Борька.

Брат, конечно, тяготился неумемной маминой заботой. Сразу после школы его призвали в армию, и это обстоятельство его ничуть не расстроило, подозреваю, для него оно явилось единственной возможностью покинуть наше унылое жилище, не обижая мать. Он служил далеко от дома, навещать его не позволяли скудные средства, и мама довольствовалась редкими звонками и письмами. Служба закончилась, но брат домой не вернулся, сначала выбрав для жительства город, рядом с которым располагалась его часть. Через несколько лет переехал в другой. И маме ничего не оставалось, как ждать его писем, приходивших все реже, нечастых звонков и отпусков, не регулярных, длящихся от силы неделю, в продолжение которой брат лежал на диване, уткнувшись в телевизор. Телевизор позднее сменил ноутбук.

Мамино беспокойство это отнюдь не уменьшило, ей казалось, что брат плохо выглядит, что он болен, втайне пьет, оттого у него нет семьи и очень вероятно, что приличной работы тоже нет. По-моему, ни о чем другом она думать не могла,

и эти извечные материнские страхи, которые странным образом в отношении меня никак не проявлялись, в конце концов и привели ее к болезни. Из больницы мама уже не вышла, последние ее слова были: «Вот помру, ему и вернуться будет некуда». В день маминой смерти мне исполнилось семнадцать.

Проститься с мамой брат не успел, приехал накануне похорон. Мы встретились как малознакомые люди, которых объединяло общее горе. О чем говорить, помимо маминой смерти, ни я, ни Борька не знали.

Через неделю начались экзамены в школе, брат уезжать вроде бы не торопился. Спросить его, думает ли он остаться насовсем, я не решалась, а представить свою жизнь после его отъезда затруднялась. Отнюдь не безденежье или бытовые трудности меня пугали. Домашнюю работу я давно привыкла выполнять сама и еще в школе начала подрабатывать. Но фраза «я буду совсем одна» вызывала душевный трепет.

Надо сказать, последние несколько лет брат помогал нам деньгами, но маму это, скорее, пугало, ей казалось, что получены они путем несправедливым, и заверения брата, что у него свой бизнес и дела идут неплохо, не убедили. По этой причине, я думаю, она и отказывалась навестить его. Правда, брат особо и не настаивал.

В общем, я вслед за мамой по привычке переживала, а заодно гадала, что будет дальше.

Экзамены закончились, и тогда Борька впервые заговорил о нашем будущем:

— Ты в институт поступать думаешь?

— Да, — ответила я. — Мама хотела, чтобы я пошла на экономический...

— Мама... А ты сама?

— Я бы выбрала музыкально-педагогический.

— Ах да, ты же на пианино играешь... — Борис взглянул на старенький инструмент, стоявший в углу нашей крохотной гостиной. Пианино нам продала соседка за чисто символическую плату в надежде освободить место для новой мебели, в знак благодарности я уже лет шесть мыла окна в ее квартире каждую весну и осень. — Учиться можешь где угодно, у нас тоже есть университет, и музыкально-педагогический, уверен, тоже есть.

«У нас», надо полагать, это город, где жил брат уже несколько лет. Мы заглянули в Интернет и выяснили: музпед точно есть. Вот так я узнала о предстоящем переезде.

Вскоре выяснилось, что брат уже нашел покупателей на нашу квартиру.

— Ты особо барахла не набирай, — сказал он мне в тот день, когда мы отдали новым хозяевам ключи от квартиры. — Можно все на месте купить.

В результате мы оставили все, от штор на окнах до мыльницы в ванной. Мне было очень жаль пианино, с остальным добром я простилась без особой грусти, сложив в дорожную сумку фотографии, кое-какие безделушки на память о маме и стопку одежды. Оглядев мой гардероб, Борис заявил, что тащить его с собой не стоит.

Мы сели в самолет, и через полтора часа я оказалась в другом городе и в другой жизни. Впрочем, если честно, жизнь моя изменилась мало.

В самолете мамины страхи передались мне, и, таращась в иллюминатор, я пугала себя душераздирающими картинками: безработный и нетрезвый брат лежит на проваленном диване в какой-то халупе, спустив последние деньги за нашу квартиру. Облик брата, одевавшегося стильно и при мне выпившего лишь раз, да и то на поминках,

этому вроде бы противоречил, но я вслед за мамой ожидала от жизни самого худшего.

Квартира брата, просторная, трехкомнатная, оказалась почти в центре города. Борис в тот же день отправился на работу, облачившись в костюм и рубашку с галстуком. Вместо того чтобы порадоваться, я была склонна считать, что мне попросту морочат голову, не брат, ему я вполне доверяла, а судьба. То есть я ждала, что в один прекрасный момент все это вдруг закончится самым плачевным образом. Но время шло, а ничего скверного не происходило. Я поступила в университет, работать мне не пришлось, брат категорически запретил, однако, несмотря на внешнее благополучие, мою жизнь трудно было назвать счастливой. Как видно, над нашей семьей тяготело проклятье, заставляя вечно чего-то бояться. Вскоре выяснилось, брат в этом смысле мог дать фору даже маме: его коньком стало беспокойство, что за каждым углом меня подстерегает дурная компания. Завести друзей в чужом городе и так нелегко, а тут еще брат решительно забраковал всех моих потенциальных подруг. Обладай я хоть каким-то характером, послала бы его к черту, отправившись жить в общагу, а по вечерам зарабатывала бы себе на хлеб, весело покрикивая: «Третья касса свободна», или, на худой конец, хитрила бы и встречалась с подругами тайно. Но вечная мамина забота о старшем брате привела к тому, что я искренне считала: мои желания не имеют значения — привычка недолюбленного, ненужного ребенка оставаться в чьей-то тени, — и я послушно отказалась от всех знакомств, лишь бы брату не пришлось обо мне беспокоиться. Из университета бежала домой и общалась в основном с компьютером.

Брат обычно возвращался с работы поздно,

правда, донимал звонками, желая знать, чем я занята. Мы в лучшем случае вместе ужинали, чаще всего молча. Первое время разговор худо-бедно крутился вокруг мамы: надо поставить памятник, слетать на выходной в родные края, навестить могилу, но, привыкая жить без нее, мы говорили о маме все реже и реже, а других тем не находилось, и разговор часто иссякал, толком так и не начавшись. И все-таки я любила брата, а он, конечно, любил меня. Иногда в нашей квартире появлялись девушки, а вместе с ними и робкая надежда, что жизнь моя как-то изменится, но девушки надолго не задерживались, а вопросов о них Борис не терпел.

Впервые я услышала от брата фамилию Бессонов в начале второго курса. О работе Бориса я толком ничего не знала, но тут он стал более откровенным, может, оттого, что здорово нервничал и появилась потребность выговориться. Свои стремления, как выяснилось, он держал в секрете, боясь спугнуть удачу, да и конкурентов побаивался, вот и избрал меня в наперсницы.

Я смогла уяснить следующее: если он получит заказ (очень крупный, который сам по себе уже сделает его богатым человеком), у него появится возможность со временем стать младшим партнером некой фирмы, главой которой и является этот самый Бессонов. Фамилию брат произносил с придыханием, но в его голосе мне, как ни странно, слышалось не столько уважение, сколько страх. И это, признаться, сбивало с толку. Зачем Борьке иметь дело с человеком, которого он боится? Само собой, этот вопрос я так и не задала.

Прошел месяц, напряжение нарастало, брат вечерами носился по квартире, начиная свои импровизированные речи с середины фразы и так же неожиданно их обрывая. Постепенно Бессо-

нов стал для меня неким злым духом, которому надлежало поклоняться, опасаясь всяческих пакостей, ведь он, как и положено злему духу, мог преподнести их в избытке. Несмотря на рассказы брата, навязчивые, бесконечно повторяющиеся, я по-прежнему мало что знала о предмете его возжеланий, а Бессонов представлялся мне скверным старикашкой, со страшным лицом и желтоватой бороденкой, алчно глазеющим по сторонам и требующим постоянных жертвоприношений. Человеческих. Впоследствии выяснилось, что я была недалеко от истины, в том смысле, что приношения последовали, вот только не догадывалась, что в роли жертвы придется выступить мне самой.

Заказ Борис все-таки получил, но нервное возбуждение его не оставляло, а жизнь наша никаких особых изменений не претерпела, если не считать того, что брат обзавелся новой машиной, цена которой не укладывалась в моем сознании. Любая сумма, превышающая сто тысяч, представлялась мне заоблачной и практически недостижимой, а то, что брат потратил на машину несколько миллионов, казалось откровенной глупостью.

На день рождения брат подарил мне новенькую «Ауди», и я проплакала всю ночь от счастья, потому что теперь была уверена — брат меня любит. Зачем, в противном случае, делать такие роскошные подарки? К счастью примешивалось чувство вины, что отблагодарить брата я не сумею, робкое трехкратное «спасибо» значения не имело, а еще появилась досада, тщательно скрываемая, потому что подарок был абсолютно бесполезным: для чего мне машина, если университет совсем рядом с нашим домом и ездить мне, по сути, некуда. Крамольные мысли я держала при себе и иногда, чтобы сделать брату приятное,

колесила по городу, то и дело отвечая на его звонки.

Теперь о Бессонове я слышала ежедневно. Брат рассказывал, что вести с ним дела очень нелегко, человек он жесткий, властный и требовательный. «Но если повезет и я буду в его команде...» Что последует за этим, услышать ни разу не довелось, в этом месте Борис мечтательно улыбался и замолкал, а моя фантазия наделяла Бессонова все новыми и новыми качествами. В конце концов он приобрел черты библейского бога: завистливого и жестокого, который одним махом способен осчастливить и тут же покарать, о чем свидетельствовала история со страдающим праведником Иовом. В общем, все в моей бедной голове перепуталось, что неудивительно: мне недавно исполнилось восемнадцать, и все мои знания о жизни легко умещались на страничке «ВКонтакте». Само собой, я продолжала беспокоиться о брате и перед сном, как раньше мама, молилась, прося милости то ли у господ, то ли у неведомого мне Бессонова, который в моем воображении становился все могущественнее и опаснее. О встрече с ним я, конечно, не помышляла, небожители редко касаются своей пятой земли, да и не желала этой встречи, справедливо полагая, что ничем хорошим она для меня не обернется. Но однажды вечером в дверь позвонили. Гости у нас появлялись нечасто — брат обычно отпирал дверь своим ключом, — и, направляясь в прихожую, я гадала, кто это может быть.

На пороге стоял мужчина, по виду ровесник брата или немного старше, высокий, темноволосый, в пальто нараспашку, в руке вертел мобильный. В его облике не имелось ничего устрашающего, лицо можно было бы назвать приятным, если бы не его выражение: помесь насмешки и

откровенного презрения ко всему и ко всем. Сердце вдруг ухнуло вниз в предчувствии беды, а ладони мгновенно стали влажными. Гость окинул меня взглядом и спросил:

— Борис дома?

— Нет, — покачала я головой и добавила поспешно: — Он сегодня в клубе.

— То-то я не могу до него дозвониться, — усмехнулся мужчина. — Не возражаешь, если я его подожду?

— Брат вернется поздно, — промямлила я.

— Брат? — поднял он брови и кивнул: — Отлично. Надеюсь, приготовить кофе ты сумеешь? — И вошел в квартиру. Уже в ту минуту я твердо знала: пускать его в дом не следует. И во все не потому, что я понятия не имела, кто он такой. Мысль о грабителях и маньяках даже не пришла в голову, я подозревала, что этот куда хуже всех их, вместе взятых. Но произносить твердое «нет» я так и не научилась, а молча захлопнуть дверь перед его носом ума не хватило.

Он вошел, снял пальто и напомнил:

— Кофе.

И я бросилась в кухню, слыша, как он идет в гостиную. Когда я появилась там с подносом, он сидел, развалясь в кресле, и лениво оглядывался.

— Садись, — кивнул на соседнее кресло, взял чашку, сделал пару глотков и едва заметно поморщился. «Кофе ему не понравился», — в панике решила я, как будто от того, понравился или нет, зависело, жить мне на этом свете и дальше или следует незамедлительно скончаться. — Значит, ты его сестра? — спросил он, я кивнула. — Как зовут?

— Инна.

— Красивое имя, тебе подходит.

Он ухмылялся и продолжал меня расспраши-

вать. Его интересовало, чем я занимаюсь, нравится ли мне учиться, где мои родители. В этих вопросах не было ничего особенного, что вовсе не принесло спокойствия, напротив, страх накапывал с новой силой, стоило встретиться с ним взглядом. И я, старательно отвечая, разглядывала пол у себя под ногами, торопя стрелки часов, что стояли напротив, а они двигались нестерпимо медленно, точно что-то их удерживало.

— Меня, кстати, зовут Александр Юрьевич, — сказал он. — Мы работаем вместе с твоим братом. Александр Юрьевич Бессонов.

В первое мгновение я решила, что ослышалась, потом подумала, это какой-то другой Бессонов, уже зная: передо мной именно он, не зря руки противно потеют. Неясные страхи вдруг материализовались, просто в реальности Бессонов оказался куда моложе и опаснее.

В панике я подумала: мои ответы, робкие и совсем неинтересные (а что такого интересного в моей жизни?), ему не понравились, и рассчитывать на снисхождение не приходится.

— Может быть, еще кофе? — предложила я.

— Спасибо. — Бессонов широко улыбнулся, что тревогу лишь увеличило. — Парень у тебя есть?

Я хлопала глазами, гадая, каким должен быть ответ, но соврать не решилась.

— Нет.

— Удивила. Брат ни с кем встречаться не позволяет или ты чересчур разборчива? — Я гадала, что бы ответить, но тут выяснилось: моего ответа не ждали. — Красивой девушке можно быть привередливой.

— Нет, — отчаянно покачала я головой, заподозрив, что моя предполагаемая привередливость в его глазах страшный грех. — Просто я... так получилось... — Он наблюдал за мной с кри-

вой ухмылкой, а его взгляд становился все настойчивее, все откровеннее. Подобные взгляды женщина понимает интуитивно, независимо от возраста или опыта. Какой бы дурой я ни была, но в ту минуту уже знала, куда все неуклонно катится. Я читала это в его волчьих глазах, в его ухмылке... — Можно, я позвоню брату? — Я попыталась встать, но он удержал меня, ухватил за подбородок, продолжая с усмешкой разглядывать.

— Спешить мне некуда...— И, понизив голос, добавил: — Уверен, парня у тебя никогда не было... Ты очень красивая девочка. Такой прелестный ротик... — Он провел пальцем по моим губам, но и тогда, одурев от ужаса, чувствуя себя кроликом в клетке с удавом, я надеялась, что все как-нибудь обойдется.

Будь на моем месте другая женщина, наверное, смогла бы прекратить все это. Из любой ситуации есть выход, по крайней мере, так утверждают те, кому, вероятно, в жизни повезло куда больше. Может, я панически боялась навредить брату? Я вовсе не ищу себе оправданий, Бессонов искренне считал, будто может делать все, что ему заблагорассудится, а у меня не нашлось сил дать ему отпор. Я лишь беспомощно бормотала «пожалуйста, не трогайте меня», а он смеялся над моим лепетом, и я знала, что иного не заслуживаю: бесхарактерное, никчемное существо, вот кто я.

Я не пыталась сопротивляться и даже кричать не решилась, мысленно молясь, чтобы все это поскорее кончилось. Но время тянулось бесконечно долго. Затянувшийся кошмар, который, проснувшись, торопишься забыть. Боль, унижение и страх — вот что осталось в памяти.

Когда Бессонов наконец отпустил меня, я забилась в угол дивана, боясь поднять на него взгляд,

чувствуя себя не только втопанной в грязь, но и виноватой: я не должна была позволять ему... конечно, не должна.

Это чувство вины и отвращение к себе, а вовсе не к нему, как бы нелепо это ни звучало, осталось со мной навсегда.

— Давай свой кофе, — надевая пиджак, весело сказал он. — Хотя готовить его ты не умеешь.

И я поплелась в кухню. Хлопнула входная дверь, и появился брат. Думаю, ему хватило минуты, одного взгляда на мою физиономию, чтобы понять, что произошло. Но он предпочел сделать вид, будто не понял. Широко улыбнулся Бессонову:

— Не знал, что вы здесь. Давно ждете?

— Часа полтора. Мы отлично провели время, — ответил тот с издевательской улыбкой.

Брат густо покраснел, избегая смотреть в мою сторону, и принялся изображать радушного хозяина. У меня не было сил видеть это, и я бросилась в свою комнату.

— В чем дело? — крикнул Борька вдогонку. — Что за фокусы?

Я захлопнула за собой дверь, привалилась к ней спиной и замерла, торопясь убедить себя, что ничего не было и я сейчас в самом деле проснусь. Я слышала, как Борис, точно извиняясь, проворчал:

— Не понимаю, что на нее нашло.

— Оставь девчонку в покое, — засмеялся Бессонов. — Что ж ты прятал такое сокровище?

— Прятал? Вовсе нет...

— Она прелестна. Ты знаешь, я не любитель ходить вокруг да около, поэтому скажу прямо: мне нравится твоя сестра, и я ее забираю.

— Что значит забираете? — не понял Борька.

— То и значит — она будет жить у меня.

На мгновение возникла надежда: брат сделает